

**ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ОБСЕ**

Арне К. Зайферт

**ФАКТОР ИСЛАМА
И СТРАТЕГИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ
ОБСЕ
В ЕЕ ЕВРОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРНЕ К. ЗАЙФЕРТ

**ФАКТОР ИСЛАМА И СТРАТЕГИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСЕ В ЕЕ
ЕВРОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ**

М., 2002, 50 стр.

ISBN 5-93660-031-9

Др. Арне Клеменс Зайферт родился в 1937 г. в Берлине. Закончил Восточное отделение МГИМО в 1963 г. Специализировался на проблемах Турции, Ирана и Афганистана. В 1964–1990 гг. работал в МИД ГДР, занимая различные дипломатические посты, в том числе посла ГДР в Кувейте (1982-1987), и ответственные должности в центральном аппарате министерства (руководитель Сектора общеарабских проблем, руководитель Сектора Ирака, Ирана и Афганистана, научный советник министра по проблемам стран третьего мира, директор департамента). В 1996–97 гг. работал в составе миссии ОБСЕ в Таджикистане. В настоящее время является научным сотрудником Ассоциации международной политики и международного права, Берлин, а также приглашенным сотрудником и советником по проблемам Центральной Азии в Центре исследований ОБСЕ при Институте изучения мира и политики в сфере безопасности, Гамбург.

**Centre for OSCE Research, Institute for Peace Research and Security
Policy at the University of Hamburg**

ISBN 5-93660-031-9

© Центр стратегических и политических исследований, 2002

© Centre for OSCE Research, Institute for Peace Research and Security Policy
at the University of Hamburg, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Резюме	4
1. Постановка вопроса и проблема	9
2. О потенциале, исходной ситуации и общественных перспективах фактора ислама	15
2.1. Количественный аспект	15
2.2. Геополитический аспект	18
2.3. Качественный (общественно-политический) аспект	20
2.3.1. Долгосрочные аспекты: ислам и национальная идентичность	20
2.3.2. Краткосрочные аспекты	25
3. О некоторых политических последствиях	30
3.1. Подход к фактору ислама и борьбе с терроризмом	30
3.2. Дилемма партнеров	32
3.3. Об отношениях между государством и религией	35
4. Политико-дипломатический опыт поисков светско-исламистского компромисса	38
5. Выводы и рекомендации	47

Резюме

Фактор ислама¹ является и останется постоянной стратегической величиной в евроазиатском регионе. Для ОБСЕ отсюда вытекает ряд вопросов: должен ли фактор ислама быть элементом совместной стратегии безопасности и стабилизации ОБСЕ в ее евроазиатском регионе? Может ли он внутренне и внешне быть вовлечен в конструктивные процессы? Существует ли реальная альтернатива деструктивной роли, которую он уже частично играл и играет? Может ли гражданская исламская оппозиция стать «нормальной оппозицией» в демократическом понимании и что для этого необходимо? Могут ли мусульманское население, исламские активисты и западные политики достигнуть общего основополагающего политического консенсуса на базе идеи сосуществования, разумной адаптации современных принципов, а также норм и ценностей ОБСЕ? И если да, то с какой точки зрения подойти к оформлению подобного соглашения?

Семь причин говорят в пользу поиска ответов :

1. Потенциал населения. С фактором ислама в евроазиатском регионе ОБСЕ связаны 40 народов, численность которых составляет около 57 миллионов человек. В России, согласно оценкам, приблизительно

¹ Понятие «фактор ислама» используется в данном исследовании как «терминус техникус», включающий в себя ислам, политический ислам, мусульманское население, исламские организации, партии, движения и т.д.

через 30 лет будут жить от 30 до 40 миллионов мусульман.

2. *Религия.* В Центральной Азии, в Каспийском бассейне и на Кавказе ислам является определяющей религией. 63% населения в Казахстане, 82 в Узбекистане и 79 в Таджикистане исповедуют принцип «нет Бога кроме Аллаха».

3. *Геостратегические интересы.* В геостратегическом отношении этот регион постепенно отделяется от традиционного понимания бывшего русско-советского «Востока». Этот регион скорее превращается в нечто вроде «евроазиатского Востока», который в перспективе будет связан с исламским миром, Китаем и районом Персидского залива не менее тесно, чем с Западом. Обе стороны все более осознают вытекающую отсюда геостратегическую, экономическую, политическую, инфраструктурную и культурную свободу действий. На фоне еще не завершенных процессов трансформации и формирования государств интересы старых и новых элит, а с ними – и геостратегические конфигурации, могут изменяться и далее.

4. *Трансформация и формирование государств.* При специфических социальных и религиозных условиях фактор ислама влияет на процессы трансформации и формирования государств и наций. Поэтому он не является переменной, которую можно произвольно учитывать или не учитывать в политике. Фактор ислама в любом случае имеет перспективу в этом районе. Вопрос заключается в том, какое качество и форму этот фактор приобретет.

5. *Политизация ислама.* Трансформация общественных систем и формирование государств при данных социальных условиях и при мусульманском большинстве населения неизбежно ведут также к

политизации ислама. Поэтому вопрос заключается не в том, возможно ли ее избежать, а в том, произойдет ли политизация ислама в конструктивном или деструктивном направлении, а также кто и каким образом будет ее использовать.

6. *Отношение секуляризма и ислама* представляет собой часть процесса трансформации и формирования государств, и, тем самым, – становления политических систем. Столкновение политики и религии преимущественно происходит в рамках отношений между светскими правителями и носителями политического ислама. Они расходятся между собой относительно пути общественно-политического развития своих еще не сформировавшихся национальных государств. Это расхождение может стать отправной точкой как для демократизации, так и для конфликтов.

7. *Необходимость концепции.* Несмотря на то, что ОБСЕ уже столкнулась в ходе конфликтов и в процессе их урегулирования в своем евроазиатском регионе с воинствующим вариантом политического ислама, Организация продолжает воспринимать фактор ислама через призму старых стереотипов Запада в отношении исламских политических движений. Ее попытка «борьбы с терроризмом» недостаточна дальнорочка, а со своим нынешним «партнерством» она оказалась как бы сидящей между двумя стульями: в то время как отношения ОБСЕ со светскими режимами амбивалентны или даже неустойчивы, ее подходу к политическому исламу и исламистам явно недостает стратегического видения. Образование умеренного реформистского исламского течения в Таджикистане побуждает задуматься о новых путях взаимодействия.

Главный вывод данного анализа состоит в том, что фактор ислама как таковой не является в настоящее время

фактором, порождающим конфликты в этом регионе. Ситуация, однако, может измениться, если ислам и религиозные деятели столкнутся со стратегией подавления. На этой почве могут разразиться религиозные войны, и тогда фактор ислама сам по себе станет причиной конфликтов. До сих пор подобная ситуация не складывалась. Региональные и местные группы элит используют ислам на данном этапе пока «только» в роли политического инструмента для того, чтобы реализовать свои интересы и/или реагировать на объективно существующий конфликтный материал. Из этого сочетания причин и ресурсов в настоящее время вытекают и главные «конструктивные резервы», необходимые для противодействия деструктивной инструментализации ислама. Превентивная дипломатия, касающаяся фактора ислама, должна, с одной стороны, заниматься объективно существующим конфликтным материалом, и, с другой стороны, теми элитами, которые используют ислам в роли инструмента политики. Последняя задача является, бесспорно, частью стратегии демократизации ОБСЕ, которая оказывается непосредственно связана с политическим исламом, поскольку чем больше ОБСЕ содействует демократизации государств этого региона, тем больше она расширяет и политическую свободу действий исламистов. Таким образом, политический ислам в некотором роде проникает в собственную политическую сферу ОБСЕ. ОБСЕ должна найти возможность для продуктивного разрешения этого противоречия.

Данное исследование рекомендует ОБСЕ изменить традиционный стиль восприятия политического ислама и сделать стратегические выводы, направленные на то, чтобы вывести исламский фактор из его сегодняшней отрицательной фиксации в качестве «источника проблем и

носителя конфликтов» (стигма терроризма). Такое изменение требует конструктивного подхода к мусульманским священнослужителям и исламским политикам с целью привлечения их и связанных с ними слоев населения к сотрудничеству в стабилизации и безопасности в этом регионе ОБСЕ. Для этого изменения стратегии нужны основательная подготовка, выдержка и оптимизм.

Данное исследование исходит из количественных и качественных показателей, которые имеют особое значение в связи с фактором ислама, и рассматривает некоторые уже сегодня вырисовывающиеся политические последствия. Краткий обзор возникновения опыта политической практики поисков светско-исламского компромисса предваряет выводы и рекомендации, которые содержатся в заключительной части данного исследования.

1. Постановка вопроса и проблема

Необходимо, пока не поздно, исключить повторение в евроазиатском регионе ОБСЕ ставшего уже почти традиционным негативного противопоставления ислама секуляризму, секуляризма исламу, ислама Западу и Западу исламу. Такое противопоставление не является неотвратимым. Европа пока ещё может избежать в своем собственном политическом пространстве ситуации отсутствия перспективы у «западно-мусульманского диалога», его интеллектуального истощения и тупика² - т.е. того состояния, которое уже ясно обозначилось для «остального мира». Может ли Европа допустить возникновение в стратегически важном треугольнике между Кавказом, Каспийским морем и Центральной Азией³ подобной фатальной ситуации?

Данное исследование предлагает поместить вопрос об отношении и подходе к фактору ислама, к политическому исламу⁴, использующим его силам, иначе говоря – тесно

² Dieter Senghaas, *Zivilisierung wider Willen*, Frankfurt/M. 1998, S.198.

³ Автор опускает подробное описание стратегического значения Центральной Азии, по этому вопросу см.: Uwe Halbach/Friedemann Müller, *Persischer Golf, Kaspisches Meer und Kaukasus – Entsteht eine Region strategischen europäischen Interesses?*, im SWP-Studie, Berlin 2001; Friedemann Müller, *Machtpolitik am Kaspischen Meer*, SWP-AP3098, März 1998.

⁴ Понятие «политический ислам» используется здесь для характеристики политических групп, «которые добиваются официального, на уровне государственной власти введения исламского права, зафиксированного в Коране и преданиях о деяниях

связанным с ним общественным элитам и слоям населения – в контекст стратегии стабилизации и демократизации ОБСЕ. Речь идет не о том, чтобы предсказать, придут ли и где именно «исламские фундаменталисты» к власти или нет. Гораздо важнее выяснить, обладает ли фактор ислама в евроазиатском регионе ОБСЕ неким потенциалом содействия стабилизации и безопасности, возможно ли вовлечь его в систему совместной стратегии стабилизации и каким образом подготовить к этому политику и политиков соответствующих сторон.

По сравнению с такими государствами как Иран, Афганистан, арабские страны и даже Турция, для политических систем постсоветского евроазиатского региона ОБСЕ «фактор ислама» и политический ислам являются пока еще относительными величинами, которые по-разному представлены, организованы и эффективны: в Казахстане – в меньшей, в Таджикистане – в большей степени, в Узбекистане и находящейся в треугольнике между тремя странами Ферганской долине исламский фактор переживает наиболее активную фазу формирования. Силы, ссылающиеся на «дело ислама», тем не менее, уже способствовали возникновению тяжелых насильственных конфликтов, войнам в Чечне и Таджикистане, а также столкновениям в Узбекистане и Кыргызстане.

Война в Чечне наиболее остро показывает политическую беспомощность всех прямо или косвенно участвующих в конфликте сторон. Хотя Запад и ОБСЕ

и высказываниях Мухаммеда, и распространения применения этого права на все области государственной и политической деятельности». (Stefan Wild, Islam und Moderne, in: Wirtschaft und Wissenschaft, Heft 4/1997, S.16.

справедливо критикуют Россию за ее несоразмерное применение силы, нельзя не видеть, что и ОБСЕ и входящие в нее западные государства сами далеки от выработки альтернативного концептуального подхода к фактору ислама и радикальным исламским силам.

Реакция на вооруженные акции воинствующих исламистов и Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в Узбекистане и Кыргызстане в 1999 и 2000 гг. также была несостоятельной как в концептуальном, так и политическом отношении. То же самое можно сказать и об отношении к исламской организации Хизб-ут-Тахрир и ее подпольной деятельности. Это движение и поддерживающие его внешние силы не настолько наивны, чтобы считать свои акции достаточными для свержения узбекского режима. В своей стратегии они умело используют неспособность или неготовность господствующей в настоящее время в Узбекистане светской элиты к демократическому решению проблем той части региональных элит и населения, которые исключены из равноправного участия в управлении и/или, как в Ферганской долине, по традиции тесно связаны с исламом. Провоцируя эскалацию внутреннего механизма угнетения, они стремятся лишить светскую систему всякой легитимности и на этой основе добиться распространения исламской общественной «альтернативы», в особенности среди молодежи. До сих пор эта стратегия действует успешно: своей репрессивной политикой правящая узбекская элита сама себя дискредитирует, на что и надеются радикальные исламисты. Но и светский Запад, и ОБСЕ, ограничивая свою реакцию борьбой с терроризмом, в своих отношениях с воинствующими исламистами в конечном счете попадают в устроенную ими ловушку.

Разработка данной проблематики исходит из следующих процессов и постановок вопроса.

Во-первых. Протекающие в этом регионе процессы трансформации и формирования государственности останутся сложными и в дальнейшем. Общественно-политическая напряженность останется неизбежной, и уже сегодня очевидно, что правящие элиты не обладают или обладают лишь в ограниченной мере способностью к демократизации и политической гибкости, которая требуется для того, чтобы достаточно эффективно с точки зрения сохранения стабильности реагировать на внутригосударственные и региональные конфликтные ситуации. Это приводит, с одной стороны, к усилению диктаторских форм правления и, с другой стороны, к усилению оппозиции, которая прежде всего будет приобретать исламистские формы.

Во-вторых. Трансформация общественных систем и формирование государственности в преимущественно патриархальных условиях и при мусульманском большинстве населения неизбежно ведут к политизации ислама. При столь специфической основе вопрос состоит не в том, возможно ли предотвратить политизацию ислама, а в том, будет ли она направлена в конструктивное или деструктивное русло. Тем самым адекватный подход к политическому исламу и несущим его силам, конструктивная или деструктивная инструментализация этого явления станут определяющим условием для дальнейшей перспективы *мирного* осуществления трансформации и формирования государств и, следовательно, также безопасности и стабильности в евроазиатском регионе ОБСЕ.

В-третьих. В результате продолжительной фазы советско-русской национальной политики в этом регионе, которая существенно ослабила фактор ислама и в значительной мере обеспечила секуляризму общественное признание, многие исламские элиты региона находятся на

раннем этапе своего политического формирования и самоопределения. На той ранней стадии политизации, которую переживает ислам в этом регионе, возможности злоупотребления им довольно ограничены, а знания Корана, шариата, а также связь молодежи с исламистским движениями и организациями пока настолько невелики, что на центральный вопрос о возможности позитивно повлиять на развитие исламского фактора, направить его в конструктивное русло можно дать утвердительный ответ. Эту специфику нынешней фазы следует использовать для того, чтобы исключить или, по крайней мере, максимально смягчить отмеченное выше отрицательное противопоставление ислама секуляризму и ислама Западу с его известными отрицательными межкультурными и политическими последствиями. Обязательным минимумом для конструктивного общения между собой является искренность, которая допускает совместное согласование интересов, чтобы избежать решения внутренних и внешних конфликтов путем насилия.

В-четвертых. Уже в настоящее время речь идет о том, чтобы реагировать как и на базовые проблемы, так и на практические спорные вопросы, которые имеют значение для политики ОБСЕ, ее миссии на месте и ее подхода к их решению.

К базовым проблемам относится тот факт, что стратегия демократии, которая хочет укрепить безопасность, в конкретных условиях Центральной Азии не сможет обойти «сосуществования и сотрудничества» секуляризма и ислама, как внутренне – в процессе формирования национальной государственности, так и внешне – по отношению к Европе. Отсюда следуют существенные для региональной стратегии и политики ОБСЕ в отношении к ее азиатскому ареалу вопросы:

каким образом можно предотвратить конфликты между разными ценностными и общественно-политическими ориентациями? Что требуется сделать, чтобы избежать политизации религии на базе этих различий и ее превращения в знамя радикальных исламских движений? И, наконец, как можно направить уже образовавшиеся движения в мирную, реформаторскую сторону?

Практические спорные вопросы, от долгосрочного урегулирования которых в значительной степени зависит течение трансформации внутригосударственных конфликтов, были уже отчетливо видны во время проводимых ООН Межтаджикских Переговоров (1994-97гг.) и процесса поиска компромисса на протяжении переходного периода (1997-2000 гг.) в Таджикистане. Эти спорные вопросы представляют широкий интерес в том смысле, что они могут считаться и ключевыми вопросами в поисках компромисса в тех государствах, где насильственные конфликты с исламскими силами не исключены или уже разгорелись:

- характер государства – светского или «несветского» – и соответствующая формулировка в конституции;
- место религиозных (исламских) объединений и партий в политической системе и фиксация их прав и обязанностей законодательным путем;
- трансформация оппозиционных, большей частью руководимых исламистами военно-политических движений, в гражданские политические партии;
- место, роль и перспективы исламской элиты в политических процессах, а также в более широком контексте, в процессе формирования национальной государственности;

- отношение (также и ОБСЕ) к репрессивным мерам против исламских группировок (таких, как Хизб-ут-Тахрир). С одной стороны, ОБСЕ и ее миссии борются за гарантию демократических свобод, включая и свободу религии, с другой стороны, они тем самым де-факто поддерживают организации и лиц с явно антисветскими и дестабилизирующими намерениями, чьи активисты в другой области политики ОБСЕ попадают в категорию объектов борьбы с терроризмом.

2. О потенциале, исходной ситуации и общественных перспективах фактора ислама

2.1. Количественный аспект

Общественный потенциал, который следует учитывать в связи с фактором ислама, включает 40 исламских народностей, к которым принадлежат около 57 миллионов человек⁵. Наиболее компактно они сконцентрированы в Азербайджане, на Кавказе и в пяти государствах Центральной Азии: в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане с населением в 42 миллиона человек. В Российской Федерации мусульмане также составляют немалую часть населения. Данные колеблются между 11 и 22 миллионами человек, к которым относятся более 40 этносов, составляющих от 8 до 15 процентов всего населения. Некоторые расчеты показывают, что приблизительно через 30 лет в России будут жить от 30 до 40 миллионов мусульман⁶.

Поэтому «фактор ислама» даже в чисто количественном отношении играет важную роль в евроазиатском регионе ОБСЕ, оказывает влияние на внутреннюю и внешнюю политику стран этого региона, и может стать там составной частью и катализатором конфликтных ситуаций.

⁵ По Karl Grobe-Hagel, *Russlands Dritte Welt*, Frankfurt am Main 1992, S.293.

⁶ Ср. Алексей Малашенко. *Исламское возрождение в современной России*, Москва, 1998, стр. 7-8.

Эмпирически собранные статистические данные государственного департамента США об общественном восприятии и политической роли ислама в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане в июле 2000 г.⁷ выявили следующую картину:

На вопрос: «К какой религиозной группе Вы принадлежите?» 88% в Азербайджане, 44% в Казахстане, 88% в Узбекистане и 93% в Таджикистане ответили: «Ислам». Соответственно, 8, 41, 8 и 5 процентов ответили: «Христианство»⁸. На следующий вопрос: «Считаете ли Вы себя религиозным человеком, верующим?» да/нет ответили 90/7 процентов в Азербайджане, 80/17 в Казахстане, 41/51 в Узбекистане и 88/3 в Таджикистане⁹.

В ответ на вопрос: «На Ваш взгляд, какую роль должен играть ислам в политической жизни Вашей страны – большую роль, достаточно большую роль, незначительную роль, или никакой роли?» 21% в Азербайджане, 45% в Казахстане, 46% в Узбекистане и 27% в Таджикистане выразили желание, чтобы ислам играл большую или достаточно большую роль в политической жизни¹⁰, в то время как 73% опрошенных в Азербайджане, 48% в Казахстане, 42% в Узбекистане и

⁷ Central Asians Differ on Islam's Political Role, But Agree on a Secular State, Department of State, Office of Research, Opinion Analysis, July 6, 2000, M-95-00. Все данные этого опроса основаны на индивидуальных интервью с 1000 или большим числом взрослых респондентов (18 лет и старше), отобранных методом случайной выборки. Предел ошибки данной выборки составляет +/- 5%.

⁸ Там же, стр. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Столь низкий показатель отражает степень дискредитации политического ислама среди населения республики в результате гражданской войны.

62% в Таджикистане высказались за незначительную роль или ее отсутствие¹¹.

В ответ на контрольный вопрос: «Какую роль должны религиозные лидеры играть в политической жизни Вашей страны - большую роль, достаточно большую роль, незначительную роль, или никакой роли?» 16% в Азербайджане, 42% в Казахстане, 37% в Узбекистане и 24% в Таджикистане высказались за очень большую роль, тогда как 76% населения в Азербайджане, 49% в Казахстане, 49% в Узбекистане и 67% в Таджикистане предпочли незначительную роль или отсутствие роли исламских религиозных лидеров в политической жизни¹².

На другой контрольный вопрос: «Как вы считаете, Ваша страна должна управляться согласно исламскому религиозному праву (шариату) или же согласно светскому (нерелигиозному) праву?» ответили «религиозное право» и соответственно, «светское право» 6 и 90% в Азербайджане, 19 и 68% в Казахстане, 10 и 80% в Узбекистане, и 7 и 76% в Таджикистане¹³.

В культурно-религиозной области следует отметить интересную дифференциацию. На вопрос: «Должны ли школы обеспечивать религиозное обучение для детей, или же религиозное обучение должно осуществляться вне школ?» 52% в Азербайджане, 42% в Казахстане, 41% в Узбекистане и 17% в Таджикистане ответили: «Религиозное обучение должны обеспечивать школы». Ответ: «Оно должно осуществляться вне школы» выбрали 41% опрошенных в Азербайджане, 53% в Казахстане, 47% в Узбекистане и 61% в Таджикистане¹⁴. Основной принцип

¹¹ Данные на март 2000 (Там же, с. 17).

¹² Там же, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 19.

¹⁴ Там же, стр. 20.

ислама «нет Бога кроме Бога, Аллаха» исповедуют 63% опрошенных в Казахстане, 82% в Узбекистане и 79% в Таджикистане¹⁵.

В начале девяностых годов только в Центральной Азии было зарегистрировано 20 исламских организаций: 7 в Узбекистане, 6 в Казахстане, 2 в Таджикистане, 1 в Туркменистане¹⁶. В настоящее время к наиболее хорошо организованным и наиболее политически активным относятся партия Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ), Исламское Движение Узбекистана, а также партия Хизб-ут-Тахрир.

2.2. Геополитический аспект

Оценка потенциала источников фактора ислама должна учитывать его внешнюю геостратегическую периферию. Она оказывает влияние на государства, которые, хоть и являются членами СНГ, снова сближаются с исламским миром во многих отношениях. Принадлежат к этому миру со времени введения ислама в 651-874 гг., они были, как известно, в значительной степени оторваны от исламского культурного ареала российской колониальной политикой и, позднее, пребыванием в составе Советского Союза. Так как они одновременно граничат с мусульманскими государствами – Афганистаном, Ираном, Турцией и Пакистаном, которые, в свою очередь, представляют собой мост к арабскому миру и Персидскому заливу, взаимосвязи с исламским хинтерландом постепенно вновь оживают. «Область, охватывающая район Персидского залива,

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Малашенко А.. Ислам и политика в государствах Центральной Азии, в: Центральная Азия и Кавказ, Лулеа, Швеция, 1999, № 4(5), стр. 59.

Каспийского моря и Кавказа, сплетается и срастается».¹⁷ Обе стороны все сильнее осознают вытекающую отсюда свободу действий в геостратегическом, экономическом, политическом, инфраструктурном и культурном отношениях. Например, таджикские политики всерьез задумываются о строительстве шоссе к пакистанскому побережью Аравийского моря, осознавая, к каким геостратегическим последствиям может привести то, что из самого юго-восточного уголка Центральной Азии до Исламабада путь на автомобиле будет занимать пять часов, а до Москвы – пять дней.

На таком фоне этот регион ОБСЕ перестает быть тем, чем он был при вступлении в эту организацию после распада СССР и таким, как его воспринимал Запад: в некотором роде «советским Востоком», азиатским придатком, хотя и коммунистического, но все же светски ориентированного Советского Союза. При долгосрочном определении позиций по отношению к фактору ислама необходимо учесть, что геостратегическая конфигурация может продолжать изменяться, и что в процессе трансформации и формирования государств соотношение элит и, следовательно, их интересов может оказаться перераспределенным. Уже сегодня у региональных и субрегиональных элит сложилось иное представление о внешней и внутренней безопасности и стабильности, включая их ожидания по отношению к ОБСЕ, чем в начале их независимости 10 лет назад. Когда речь идет о стабильности и безопасности, они и Запад уже сегодня нередко говорят о совершенно разных целях и намерениях.

На этом фоне важна также определенная эрозия консенсуса между региональными элитами и Западом по

¹⁷ Halbach/Müller, a.a.O.(сноска 3), S. 35.

поводу основных аспектов стратегии стабилизации ОБСЕ, например человеческого измерения. Каким бы открытым ни был и ни оставался на определенный период времени вопрос об ориентации общественно-политического порядка, в своей практической политике по формированию государств господствующие светские элиты преследуют прагматические концепции «национального возрождения» и «консолидации национального сознания», ориентация которых является традиционной и национальной. И то и другое социально напрямую и изначально связано с фактором ислама. Уже сегодня можно наблюдать определенное совпадение позиций политических и интеллектуальных элит с разными мировоззренческими ориентирами на основе отторжения предлагаемых им чужими культурами «моделей», что вполне могло бы объединить центральноазиатских секуляристов и исламистов в коалицию антизападной направленности.

2.3. Качественный (общественно-политический) аспект

Эмпирически собранные статистические данные государственного департамента США указывают на расхождение между высокой степенью связи населения с исламом как религией и малой готовностью признать его доминирующим фактором для определения политической системы. Так как эта пропасть «политического обобществления» ислама мешает его преобразованию в политическое движение, преодоление этой пропасти является наиважнейшей целью исламских политиков внутри и за пределами этого региона. При этом обе группы преследуют отнюдь не одинаковые цели и намерения. При оценке надежд на успех этой стратегии следует учитывать как долгосрочные аспекты, связанные с исходной

исторической ситуацией и перспективами ислама в обществе этого региона, так и «оперативные» ресурсы, которые могут быть в краткий срок мобилизованы в пользу политического ислама.

2.3.1. Долгосрочные аспекты:

ислам и национальная идентичность

Несмотря на то, что ислам сильнее всего пострадал от русско-советского культурного империализма в этом регионе, он никогда не переставал быть основой и живой частью социальных отношений и сознания населения. В этом стремлении отодвинуть на задний план влияние религии в мусульманском обществе и сделать это общество советским, «культурный империализм»¹⁸ в течение семидесяти лет вытеснял классическую исламскую литературу путем реформ алфавита и образования, отменил исламские системы образования и права и ликвидировал религиозную элиту. Тем не менее связанные с исламом определяющие и регулирующие образ жизни традиции и нормы сохранились. В основном не утратившие патриархальный характер общества Кавказа и Центральной Азии приспособились к навязанной им чужой системе, так же как и сохранившийся «народный ислам», который советская власть терпела по тактическим соображениям. На этом фоне основам ислама удалось сохранить в некотором роде «параллельное существование» с господствующей политической системой. То, что это удалось, является в значительной степени заслугой суфийских

¹⁸ Термин «Культурный империализм» используется здесь в трактовке Геллнера (Ernest Gellner, *Nationalismus und Moderne*, Hamburg, 1995, S. 24): как «попытка чужой (в нашем случае европейской, а именно русско-советской – А.З.) культуры, господствовать и распространяться с целью доминирования в определенном политическом пространстве».

мусульманских движений, орденов и братств, сыгравших «важную роль в неустанной борьбе против русификации».¹⁹

Независимость центральноазиатских государств, начало трансформации политической системы, формирования государств и возникшая на этом фоне неопределенность относительно будущего политического порядка решительно изменили положение ислама в двух аспектах. *Во-первых*, это касается его перспектив. Если формирование государственности происходит в обществе, чьи основы восприятия и системы социальных отношений и норм находятся под влиянием ислама, то он сам с помощью субъектов и носителей формирования государственности (а именно – мусульманского большинства населения) становится одним из конституирующих факторов этого процесса. И чем более демократичным и репрезентативным будет этот процесс, тем заметнее будет в нем роль ислама. Тем самым ислам обладает потенциалом, благодаря которому он может рано или поздно стать стратегическим фактором, способным оказывать существенное обратное влияние на важные аспекты формирования государственности и политической системы. К числу таких аспектов можно отнести ориентацию политического порядка, оформление политической и партийной системы, общественные и политические механизмы согласования и консенсуса, культура, образование, право и многое другое. Иначе говоря, в специфических социальных условиях

¹⁹ См. Annemarie Schimmel. In: Sufismus, Eine Einführung in die islamische Mystik, München 2000, S. 84-85. Там можно найти подробное описание деятельности суфийских орденов Накшбандийя и Кадирийя на Кавказе и в Центральной Азии, которая была направлена против растущего влияния западного колониализма, в данном случае – российского.

евроазиатского региона ни государственность, ни оформление механизмов и, тем самым, вся трансформация систем не смогут обойтись без учета этого фактора. Поэтому фактор ислама *не* представляет собой переменную величину, которую политика может учитывать или нет по своему выбору. Из этого следует, что у фактора ислама не только *есть* перспектива, но и то, что она теснейшим образом связана с его конструктивной или деструктивной инструментализацией в процессах государственного формирования. Следовательно, любая внешняя сторона, включая ОБСЕ и Запад, которая вмешивается в эти процессы, будет прямо или косвенно иметь дело с исламом или с ориентированной на него частью политической элиты.

Во-вторых, речь идет о политизации ислама. Выше было указано на политизирующее обратное влияние трансформации общественных систем и формирования государственности на тех политических деятелей, которые опираются на ислам и на исламскую общественную модель. Поле напряженности лежит в различном понимании национальной культурной идентичности, которую светские и исламские политики хотят положить в основу формирования государств и их политического порядка. Это разногласие реально определяет политику. Так, один из виднейших исламских политиков в Центральной Азии и до недавнего времени радикально настроенный исламист, одна из главных фигур в таджикской гражданской войне, Ходжа Акбар Тураджонзода, утверждал автору этих строк, что он испытывает глубокое восхищение демократией в Западной Европе и также в России. Демократия и принявшие ее народы черпают, по его словам, свою силу из их исторически развившихся форм «христианства как самосознания людей и их культуры».

Рациональная суть такого подхода применительно к Центральной Азии заключается, по его мнению, в следующем: образование государств и наций должно проводиться таким образом, чтобы они соответствовали социально-культурной идентичности, чтобы «быть мусульманином» для большинства населения считалось само собой разумеющимся, и чтобы и то, и другое отражалось в политической культуре управления страной. Это желание выглядит вполне понятным, если учесть, что из-за навязывавшейся на протяжении минувших десятилетий чужой модели общества культурная идентичность региона оказалась на грани исчезновения.

Столь чувствительную реакцию на проблему культурной идентичности постоянно провоцируют и правящие светские элиты. Придя к власти в центральноазиатских государствах после провозглашения независимости, они конституционно закрепили секуляризм в «своих» государствах. Шаг за шагом они отходили даже от либеральных концепций взаимоотношения государства и религии, которые возникли во время перестройки и дали мусульманским активистам надежду на «лучшее будущее». Так, например, в Узбекистане исламские фундаменталисты в 1991 году ожидали, что их государство в новой конституции будет объявлено мусульманским²⁰. Но вскоре им, и не только им одним, пришлось вместо этого столкнуться с политикой, очень напоминающую бывшую политику «красных колонизаторов»²¹ по отношению к

²⁰ См. Бахтияр Бабажанов. Ферганская долина: Источник или жертва исламского фундаментализма? В: Центральная Азия и Кавказ, №5/1999, стр. 130.

²¹ Это понятие отнюдь не является изобретением автора, оно вполне характерно для исламской терминологии в этом регионе.

исламу и заключающуюся в его сдерживании, контроле и маргинализации.

Разочарование в сочетании с решимостью не упустить час «Ч» в начальной фазе суверенитета привели в Узбекистане к появлению исламских «групп, отличающихся крайней нетерпимостью и экстремизмом по отношению к существующему порядку»²². В отношении «новых-старых» элит к исламу и его политическим представителям они видят смесь секуляризма и коммунизма, которая всегда была их главным врагом. Это побудило их по-новому сформулировать основную суть давней дискуссии о чистоте религии²³, т.е. о том, является ли Узбекистан «домом ислама» («дар-аль-ислам») и, следовательно, мира, или же «домом войны» («дар-аль-харб») ²⁴. Эта новая формула выглядит как «спор неверующего меньшинства (в смысле правящих элит – А.З.) с мусульманским большинством»²⁵. Исламисты в Чечне, где ислам связан с борьбой за национальное освобождение, руководствовались вполне похожей логикой, когда использовали неудачную попытку путча летом 1991 г. в Москве для свержения руководства КПСС в их автономной республике. В Таджикистане в 1992 г. за власть боролись исламисты в коалиции с националистическими, но, в то же время, светски настроенными демократами. После гражданской войны

²² Бабаджанов, стр. 128.

²³ Это показывает, что исламский фундаментализм является исторически известным, а отнюдь не новым феноменом в евроазиатском регионе.

²⁴ «Дар-аль-харб» означает «немирный дом» в контексте спора правоверных и «неправоверных» мусульман или иноконфессиональных меньшинств.

²⁵ Бабаджанов, сноска 20.

требование исключить положение о светском характере государства из конституции Таджикистана было главным пунктом разногласий между правительством Рахмонова и ПИВТ.

Споры, которые велись в ходе формирования государств в центральноазиатских странах ОБСЕ, а также и в Чечне, по вопросу ориентации политического порядка, подтверждают в общем и целом тезис Бассама Тибби о том, что «политизация религии фундаменталистами направлена против светского национального государства, и что это является отражением идеологического конфликта относительно концепции общественного порядка»²⁶.

2.3.2. Краткосрочные аспекты

Так как политический ислам, его партии и движения еще не достигли такой степени влияния среди населения, когда уже одной их символики достаточно для успешной мобилизации (таково, например, влияние ХАМАС среди палестинцев), они, как правило, воздействуют на массы в рамках конкретных конфликтных ситуаций. Помимо наличия таких ситуаций для влияния на массы требуются также харизматические руководители типа предводителей кланов, высокопоставленных военных или политических деятелей. Как показывает практика, борьба за «дело ислама» набирает силу главным образом тогда, когда действующие лица используют подобные ситуации, будучи при этом сами носителями авторитета или быстро превращаясь в таковых. В Чечне некоторые радикальные исламистские силы сумели приспособить ислам к целям возглавляемого ими движения за национальное (этническое) и культурное

²⁶ Bassam Tibi, Religionen und Werte, in: Internationale Politik 2/2000, S. 29.

самоопределение. В Таджикистане политический ислам мог усиливаться и иметь перспективы усиления только тогда, когда лидеры в состоянии связать его с феноменом регионализма и местничества, и сделать его средством борьбы за власть против других группировок региональных элит. Нечто подобное происходит в настоящее время в Узбекистане и в Кыргызстане. Последний пример можно наблюдать в северной провинции Таджикистана, где направляемая извне Хизбут-Тахрир в настоящее время выгодно использует недовольство населения маргинализацией их региона. Хорошо информированные очевидцы полагают, что «если Север восстал бы против центральной власти, то именно под зеленым флагом».

Пока невысокая символическая сила политического ислама, а также тот факт, что он зависит, с одной стороны, от конкретных конфликтных ситуаций, и, с другой стороны, от поддержки признанных обществом носителей авторитета, позволяют сделать вывод, что фактор ислама сам по себе еще не является причинным фактором конфликтов в этом районе. Однако, он может стать таковым, если произойдет радикализация ислама в сфере мировоззрения, что может быть спровоцировано его идейным подавлением или физическими репрессиями, угрожающими ликвидацией связанных с ним элит, и если на этом фоне разыграются религиозные столкновения. В таком случае ислам стал бы самостоятельным источником конфликтности.

До сих пор этого не произошло. Некоторые группы региональных и местных элит использовали ислам пока «лишь» как политический инструмент с целью осуществления своих интересов и/или для реагирования на объективно существующий конфликтный материал. С другой стороны, эта конфигурация причин и ресурсов, в

которой в настоящее время находится фактор ислама, служит сегодня также источником имеющихся «конструктивных резервов» для противодействия деструктивной инструментализации ислама. Превентивная дипломатия применительно к фактору ислама должна, с одной стороны, заботиться об объективно существующем конфликтном материале, и, с другой стороны, работать с теми элитами, которые используют ислам как средство политики. Последнее, несомненно, является главной задачей стратегии демократизации ОБСЕ, которая поэтому находится в прямой связи с политическим исламом и фактически очень тесно переплетена с ним. Чем больше ОБСЕ содействует демократизации условий в государствах этого региона, тем больше она расширяет также политическую свободу действий исламистов. Применяемая на сегодняшний день стратегия «борьбы с терроризмом» представляется слишком однобокой и недальновидной, чтобы справиться с этим «противоречием».

В этом контексте нельзя упускать из виду, что стремление исламистов привлекать внимание общества к реально существующим конфликтным узлам при определенных условиях может быть продуктивным. В этом смысле политический ислам и отстаивающие его силы вполне могут быть осмыслены и приняты как часть гражданско-политической оппозиции. Для «конструктивного резерва» изложенная выше структура обстоятельств означает, что положительную свободу действий можно обеспечить как путем целенаправленного устранения конфликтогенных материалов, так и путем

гибкого подхода к носителям авторитета и их различным интересам²⁷.

«Деструктивные резервы», которые были бы выгодны для радикальных исламских сил, выявляются в настоящее время в следующих политических областях:

Во-первых, негативные процессы в социально-экономической сфере, увеличивающееся социальное неравенство и обостряющиеся конфликты при распределении ресурсов могут привести к политизации этнического фактора, религии и т.д. «Конфликты в Центральной Азии будут происходить из-за хлеба насущного»²⁸, констатируют эксперты Международной группы изучения кризисов (International Crisis Group, ICG). Единодушно характеризуя экономическую ситуацию в Узбекистане и Таджикистане, государствах с самыми активными исламскими движениями в Центральной Азии, как «экономическую катастрофу», эти эксперты подчеркивают: «Политические порядки в этих странах не были бы в такой опасности, если бы экономическое положение их населения не ухудшалось бы столь неуклонно на протяжении последних 15 лет»²⁹.

Вторым значительным фактором является развал системы образования. Этот фактор связан с исламом двояким образом. С одной стороны, этот недостаток образования помогает распространению «невежественного ислама», который чужд всякому прогрессивному образованию и основанной на нем

²⁷ Так, в Таджикистане немало бывших исламских полевых командиров вышли из ПИВ после того, как им были предоставлены государственные должности.

²⁸ International Crisis Group (ICG), Central Asia: Crisis Conditions in Three States, 7 August 2000, ICG ASIS Report No.7, Central Asia/Brussels, S.24.

²⁹ Там же, стр.7.

модернизации. Место разваливающихся систем образования вновь занимают деревенские муллы и частные школы по изучению Корана. С другой стороны, молодежь не обучают ценностям, в которых она может найти для себя опору, основанную на символах национальной идентичности. Ориентация на такие почти «античные» национальные символические и интеграционные фигуры, как Тамерлан в Узбекистане или Сомони в Таджикистане, избранная светскими режимами в поисках легитимации, почти никак не влияет на повседневную, укорененную в исламе систему социальных норм большинства населения, особенно сельского.

Третьим фактором является вакуум политического порядка, в который вторгаются две внешние «культурные силы»: Запад со своей общественной моделью и радикальные исламисты, настаивающие на исламизации центральноазиатских государств и Кавказа. Последние возлагают надежды на опасения, испытываемые широкими слоями общества, в том числе и светскими силами, по поводу попыток Запада, включая Россию, заново навязать или закрепить чуждые системы ценностей. Эта оборонительная реакция против навязывания извне отвечает интересам радикального политического ислама. Следует учитывать, что политические и интеллектуальные элиты различных идейных ориентаций встречают скептически или даже решительно отвергают пост-национальные политические концепции Запада (релятивизация национального государства, «денационализация» под воздействием глобализации, примат прав человека, превращение внешнего вмешательства в норму и т.п.).

3. О некоторых политических последствиях

Коль скоро конкретные конфликтные ситуации и носители авторитета являются самыми важными условиями для мобилизации политического ислама, то преодоление таких конфликтных ситуаций и конструктивный подход к соответствующим носителям авторитета можно рассматривать как необходимые предпосылки для предотвращения деструктивного манипулирования фактором ислама. Это влечет за собой ряд последствий.

3.1. Подход к фактору ислама и борьба с терроризмом

Несмотря на то, что ОБСЕ уже много раз сталкивалась с воинственным вариантом политического ислама в гражданских войнах, конфликтах и процессах их урегулирования в ее азиатском регионе, подход ОБСЕ к фактору ислама остается неуверенным и неопределенным. Только в последние месяцы, после своей конференцией в Ташкенте в октябре 2000 г. ОБСЕ вообще начала сколько-либо «организованно» реагировать на «ислам», и то лишь в контексте ответа на деятельность «групп, которые готовы использовать методы терроризма для достижения своих политических целей»³⁰.

³⁰ The OSCE and Security Aspects in Central Asia, International Conference on Enhancing Security and Stability in Central Asia: An Integrated Approach to Counter Drugs, Organized Crime and Terrorism, Tashkent, 19-20 October, S. 18.

Несомненно, антитеррористические действия являются нужными и правомочными. Однако уже сегодня такие серьезные оценки, как анализ ICG Международной группы изучения кризисов, указывают на недостаточность политических инициатив, сводящих стратегию в отношении ислама к подавлению отдельных исламистских группировок. Так, ICG констатирует: «Международный опыт деятельности исламского фундаментализма позволяет политикам и наблюдателям в Центральной Азии преувеличивать опасность, исходящую от политических групп, в программных установках которых присутствуют какие-либо ссылки на ислам».³¹ Одновременно ICG предсказывает, что вес ислама в политических процессах возрастет: «Через 5-10 лет ислам будет оказывать более существенное влияние на политическую жизнь в Узбекистане и Таджикистане».³²

При оценке перспектив обеспечения стабильности не следует забывать, что борьба с терроризмом имеет довольно ограниченный потенциал, с точки зрения общественно-политической стабилизации. Эта борьба может решить лишь малую долю той задачи, которая стоит перед превентивной дипломатией во внутригосударственных конфликтах: не допустить, чтобы общественный конфликтный потенциал разрядился в насильственной, военной форме с ее разрушительными последствиями. В контексте проблемы политического ислама борьба с терроризмом только тогда будет продуктивной, когда она будет проводиться как составная часть широкой, комплексной, демократически ориентированной, политической, а также социально-политической и экономико-

³¹ ICG, а. а. О. (Anm. 28), S. 19.

³² Там же.

политической стратегии (см. также о «деструктивных резервах» в предыдущем разделе). Такая стратегия имеет важное преимущество, поскольку дает шанс воздействовать на долгосрочные факторы, от которых зависит общественно-политическое регулирование рисков, связанных с фактором ислама и политическим исламом.

ОБСЕ и Запад не имеют в своем распоряжении подобной целостной концепции. В контексте борьбы с терроризмом с самого начала следует стремиться к сотрудничеству с представителями ислама на месте. Следует относиться серьезно к точке зрения влиятельных исламистских политиков региона, в том числе и таких, которые до последнего времени сами возглавляли радикальные группировки. Так, Ходжа Акбар Тураджонзода настаивает, чтобы вместо вопроса «Как истребить экстремизм?» центральное место в обсуждениях занял вопрос «Как предотвратить появление экстремистских взглядов?»³³

³³ В основу защиты от экстремизма, по мнению Тураджонзоды, должны быть положены, среди прочих, следующие принципы: «1. Экстремизму следует уделить особое внимание на этапе его идейного зарождения, и именно в этой фазе должны быть также сконцентрированы главные усилия по его предотвращению. 2. В экстремизме следует видеть также социальный феномен, и в программах противодействия экстремизму должны содержаться меры по устранению его социально-экономических и социо-культурных корней... 4. Необходим отказ от попыток навязать извне какие-либо изменения в культуре и религии, потому что появление экстремизма во многом отражает реакцию на подобные попытки ...6. Правительствам следовало бы проявлять во внутренней политике большую сдержанность и терпение, поскольку именно нетерпение и дефицит политической культуры во внутренних спорах, в том числе - относительно проблемы *существования* (курсив А.З.), провоцируют радикализм. // Из доклада Ходжи Акбара Тураджонзоды на симпозиуме Центра исследований европейской безопасности им.

3.2. Дилемма партнеров

Стратегия стабилизации ОБСЕ с акцентом на человеческое измерение призвана содействовать внутривнутриполитическому развитию центральноазиатских государств, что делает ее зависимой от *внутренних* партнеров в этих странах. Лежащие в основе человеческого измерения нормы и критерии принадлежат западно-светской системе ценностей, и, тем самым, они не свободны от «идеологического груза». Это влечет за собой неизбежные последствия, поскольку такой стратегической фокусировкой ОБСЕ вмешивается в еще нерешенное соперничество относительно будущей ориентации политического порядка в государствах этого региона.

В отношениях ОБСЕ с внутренними участниками этого соперничества в настоящее время складывается следующая противоречивая картина: с одной стороны, ОБСЕ критикует правящие светские режимы за их «крайне серьезные недостатки в реализации всех аспектов проблемы человеческого измерения»³⁴. Тем самым она вызывает у этих режимов подозрение в том, что им снова пытаются навязать «чужеземное господство». На самом деле, если к этим режимам применить стандарты ОБСЕ в вопросах демократии, правового государства и прав человека, эти режимы по сути дела могут рассматриваться только лишь как относительно легитимные и приемлемые. С другой стороны, ОБСЕ, по-видимому, исходит из предпосылки, что репрезентативность светских режимов достаточно велика

Маршалла «Укрепление безопасности государств в многополярном мире: опасность экстремизма», Сентябрь 2000 г. (материал находится у автора, перевод автора).

³⁴ Там же, стр.5.

для того, чтобы суметь обеспечить принципиальное соглашение с ОБСЕ как сообществом западного (по своей цивилизационной сущности) ценностного типа.

Однако эта репрезентативность представляется уязвимой во многих отношениях. Так, например, представители Русской православной церкви указывают на то, что принципиальная основа ценностей Хельсинского процесса (человеческое измерение) была выработана при исключительной ориентации на светское мировоззрение, без учета культурной и религиозной специфики других крупных мировоззренческих ориентаций в регионе ОБСЕ, таких как Русская православная церковь или ислам³⁵. Возможно, со временем политический ислам в регионе ОБСЕ также поддержит и начнет активно выражать подобное мнение. Тогда и этот вопрос станет предметом соперничества относительно ориентации политического порядка.

Спрашивается: кто из участников этого соперничества мог бы стать надежным и предсказуемым в долгосрочном плане партнером ОБСЕ? Одни лишь светские режимы, тем более, что возможно, эти элиты – последние секуляристы, стоящие у власти? Не стоит ли задуматься о том, что они в долгосрочной перспективе могут потерпеть сокрушительное поражение в борьбе за установление политического порядка в этом регионе, и их место займут силы, иметь дело с которыми Европе и ОБСЕ будет намного сложнее? Дилемма заключается в том, что, в то время, как отношения ОБСЕ со светскими режимами являются неустойчивыми, у ОБСЕ одновременно отсутствует и конкретная концепция взаимодействия с политическим исламом и исламистами. Не в последнюю

³⁵ Епископ Русской православной церкви Кирилл в интервью ОРТ, Москва, 18.3.2001.

очередь именно этот пробел усиливает недоверие многих исламских политиков к Западу, хотя они вполне заинтересованы в хороших отношениях с Европой и ОБСЕ³⁶.

При «сотрудничестве» с исламскими политиками данного региона представляется уместным обратить внимание на ряд особенностей, которые отличают их от «привычного» типа исламских деятелей, с которым мы встречаемся на Ближнем Востоке. Эти особенности связаны прежде всего с их русско-советским образованием. Центральноазиатские исламисты хорошо знакомы со школами и категориями европейской философии и культуры, с рационализмом и диалектикой, что создает не только сходные оценки социальных процессов, но и облегчает переговоры и взаимопонимание. На эти субъективные особенности можно и нужно опираться.

В целом следует констатировать, что и в концептуальных, и в практико-политических подходах ОБСЕ к своим внутривосточным партнерам в регионе существует дисбаланс, под воздействием которого ОБСЕ рискует оказаться между двух огней в соперничестве различных политических сил. Реальное направление для поиска поддерживающего стабильность выхода из этой дилеммы партнеров состоит в том, чтобы ОБСЕ как «совместный ребенок» европейского Востока и Запада вспомнила о своей первоначальной философии: строить мосты и играть роль «честного посредника». Применительно к ее евроазиатскому региону это означало

³⁶ В одной беседе автору высказали убеждение, что западная критика светских режимов неубедительна, так как в случае роста общественного влияния исламской оппозиции Запад, в конечном счете, «заклучит пакт» с секуляристами против ислама.

бы перенять роль «честного политического маклера» для того, чтобы помочь преодолеть разногласия, которые могут привести исламистов и секуляристов к насильственным конфликтам и, тем самым, подставить под угрозу европейскую безопасность в целом.

3.3. Об отношениях между государством и религией

Разработка подобной стратегии требует отказа от упомянутого в начале устойчивого стереотипа восприятия азиатского региона ОБСЕ как придатка бывшего СССР, и заставляет более последовательно считаться с его социальной и культурной спецификой. На практике это значит признать в качестве политической данности то, что ислам, наряду с секуляризмом, служит опорой культурной идентичности, которая не может и не должна быть исключена из процессов формирования государственной и национальной идентичности. Сводить ислам только лишь к «одной из религий» было бы как политически, так и исторически недальновидным. Однако этот сложившийся взгляд оказывается таким живучим именно потому, что пришедшие в Центральной Азии к власти светские режимы оставляют нетронутым *унаследованный тип* светского характера государства. Запад и ОБСЕ тоже исходят из светского конституционного представления о государстве. Сюда относится и весьма важный принцип отделения *церкви* от государства, который светские режимы видоизменили в отделение *религии* от государства. Сохранение этого принципа центральноазиатскими режимами порождает надежды, что феномен исламской оппозиции исчезнет сам по себе при «правильной», ориентированной на принцип человеческого измерения гарантии свободы религии. В основе этого предположения лежит, между прочим, наблюдаемое в политической практике центрально-

азиатских правительств ошибочное отождествление религии и «церкви» в широком смысле.

Применение этого ложного подхода к отношениям между государством и *исламом* (а не просто религией!) в светском понимании оказывается серьезной политической ошибкой по меньшей мере в трех смыслах. *Во-первых*, этот подход игнорирует или недооценивает базовое различие между сегодняшней христианской религией, являющейся более или менее частным делом верующих, и исламом, который исходит из единства индивидуума, общества, веры и государства, и, тем самым, добивается осуществления широкой миссии по формированию общества и государства. В условиях недавно начавшихся и обещающих затянуться еще на долгое время процессов государственного становления это различие никак не является маловажным. *Во-вторых*, несколько утрируя вышеупомянутую ошибку светского режима, можно сказать, что она напоминает попытку снова воспользоваться наследием чуждой, навязанной извне русско-советской цивилизационной системы ценностей, из которой общества этого региона едва сумели выбраться с тяжелым ущербом для их идентичности. *В-третьих*, она искажает мировоззренчески беспристрастное, обрисованное выше восприятие образа и роли ислама как одного из центральных факторов в процессе трансформации и формирования государств. Но если стратегически важная роль ислама должна быть признана, то было бы глубоко ошибочным, как это делают светские режимы, подходить к нему с точки зрения тактических соображений или существующего сегодня, но вполне изменяемого и преходящего соотношения сил.

Главным пунктом для нового определения отношения к политическому исламу представляется, с одной

стороны, принятие в расчет ислама в комплексе – как религии, мировоззрения и совокупности правил социального поведения и социальных отношений, а также в его воздействии на формирование государства и права. С другой стороны, необходим учет и продуманное использование присущего исламу общественного потенциала части элит и мобилизуемого через них населения в качестве стратегических факторов для политики стабилизации ОБСЕ. При сокращении до самой простой формулы вопрос звучит так: какой вид следует придать политике ОБСЕ по отношению к «острову нехристианской культуры» с мусульманским большинством населения в азиатском регионе ОБСЕ?

4. Политико-дипломатический опыт поисков светско-исламистского компромисса

Общественные условия, особенно доминирование секуляризма в общественном сознании, а также вызов, брошенный трансформацией и формированием государственности, ставят перед исламом в евроазиатском регионе ОБСЕ иную задачу, чем в «традиционном» исламском обществе бывших колоний западных держав. Там речь шла и идет прежде всего об отстранении от государственной власти господствующих элит, которые предали забвению исламские принципы и формировали существующие сегодня государства «сверху», под воздействием сил колониализма.³⁷ В Центральной Азии исламские активисты, опираясь на возрождение интереса к религии в широких кругах населения, получают возможность влиять на формирование облика общества и государства с самого начала становления государственности и как бы «снизу». Ведущие исламисты Таджикистана первыми отметили эту историческую и политическую разницу, и в этом одновременно лежит суть изменения их стратегии после гражданской войны.

Они поняли необходимость этого изменения (которое до сих пор концептуально еще не полностью оформилось) после провала их попытки решить в свою пользу вопрос о характере политического порядка в Таджикистане сразу после распада СССР в 1991/92 гг. путем захвата власти

³⁷ В качестве примера можно привести шаха Ирана.

«сверху». Как признают таджикские исламисты сегодня, на их образ действий значительно повлияли тактические наработки традиционных радикально-исламистских движений³⁸. Таджикские исламисты в тот критический момент также сочли метод насильственного захвата власти вполне реальным ввиду резко возросшего интереса широких кругов населения к исламу. Отрезвление и перемены в мышлении наступили в результате потерь (в том числе – огромных человеческих жертв), вызванных длившейся до 1996/97 гг. гражданской войной и перспективной распада Таджикистана на «княжества» региональных и местных военных командиров, что создавало угрозу для целостности только что возникшего государства³⁹. Крайне важно и то, что события гражданской войны привели к падению авторитета политического ислама и его лидеров среди населения. Партия Исламского Возрождения почувствовала на себе клеймо одной из «партий войны». Низкие результаты ПИВТ на всеобщих выборах в феврале 2000 г. (даже если сделать поправку на многочисленные махинации в ходе предвыборной кампании и голосования) стали для партии тяжелым, но очень важным уроком: народ не забыл и не простил ей гражданской войны и вызванных ею страданий.

Все это побудило ПИВТ приступить к пересмотру своих стратегических установок, что способствовало

³⁸ Концепции решающей роли «маленького отряда преданных исламу, решительных и презирающих смерть мучахидов».

³⁹ Таджикские исламисты говорили автору, что опыт, полученный ими в афганском изгнании, был для них очень важен. В Афганистане они смогли наблюдать, что ставшие самостоятельными региональные полевые командиры в условиях распавшейся на части страны в состоянии вести войну бесконечно долго, что в конечном счете ведет к разрушению национального государства.

началу процесса дифференциации таджикского исламизма. В ходе этого процесса впервые в Центральной Азии, да и вообще на территории СНГ, возникло течение умеренных исламистов, которое в данное время переживает этап идейного и организационного становления. Представители этого течения не объединены сегодня в рамках единой организации. К их числу можно отнести, наряду с А.Тураджонзодой, С.Нури, М.Химматзодой, Д.Усмоном, почти всех видных исламистских вождей бывшей Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), которые сыграли ведущую роль в мирном процессе, проходившем при посредничестве ООН и при содействии ОБСЕ. В настоящее время среди представителей этого течения идут дебаты о новых подходах к пониманию содержания, целей, задач и методов деятельности политического ислама в специфических социальных условиях Центральной Азии и Таджикистана.

Как показывают наши исследования процесса светско-исламского диалога в течение переходного периода 1997–2000 гг., умение и готовность взять на себя ответственность за судьбы нации, решительный отказ от дальнейшего применения насилия, а также некоторые чисто личностные мотивы являются важными факторами, способствующими переходу к гражданской стратегии. В наиболее зрелом виде такая гражданская стратегия включает терпимость по отношению к светскому характеру государства, содействие консолидации еще молодой национальной государственности, поддержание устойчивости экономики и социального согласия, стабилизацию всего общественного организма,

формирование «конструктивной оппозиции»⁴⁰ к правящей президентской системе, расширение социальной и географической базы поддержки ПИВТ, создание организационных условий для распространения ее влияния. Один из ведущих исламистов говорил о том, что его движение после опустошительной гражданской войны нуждается в длительной «передышке». Даже если подобные подходы основывались на тактических соображениях, принятие на себя ответственности за проведение государственной политики неизбежно заставляет значительную часть исламистов столкнуться с реальностями общественной жизни. При этом в центре внимания остается вопрос о «современном (для многих исламистов – «исламском») национальном государстве».

В связи с этим следует упомянуть о том, сохраняя контакты с исламистскими движениями и организациями на Ближнем Востоке, в особенности в Иране, таджикские исламисты относятся к ним без слепого преклонения. При этом два аспекта можно назвать типичными: *во-первых*, собственный опыт в Таджикистане вынудил их признать, что тактические советы с Ближнего Востока «пригодны для Африки или Ближнего Востока, но неприемлемы в условиях Центральной Азии». *Во-вторых*, им пришлось осознать, что при существующей действительности современное исламское государство невозможно без учета секуляризма. В этом контексте они внимательно следят за начинаниями иранского президента Хатами. Эти наблюдения показывают, что даже в процессе создания исламского государства как «освобожденного от родимых пятен колониализма национального государства», к чему

⁴⁰ Достойным внимания является то, что эта политическая самооценка совпадает с определением коммунистической партии Таджикистана.

стремятся в Иране, светские элементы усиливаются. Исходя из этого, некоторые таджикские исламисты полагают, что Центральной Азии не нужно заново повторять тяжелый путь Ирана к такому современному исламскому национальному государству, а следует подойти к делу с учетом уже имеющегося иранского опыта.

Поиск компромиссов между секуляристами и исламистами, ставший составной частью переходного периода после окончания гражданской войны в Таджикистане, положил начало нового и достаточно бурного светско-исламского «диалога». В рамках этого диалога поиск компромиссов оказался даже важнее качественных характеристик государства и политической системы, которые в настоящий момент удовлетворили бы обе стороны. При этом речь шла о таких принципиальных вопросах как ориентация политического порядка, изменение конституции, а также политической и партийной системы. В итоге ПИВТ и многие ведущие исламисты отказались от попыток поставить под сомнение светский характер государства, что можно расценить как весьма важный и показательный результат.

Наш анализ опыта процесса светско-исламистского диалога в Таджикистане позволил сделать некоторые выводы и в том, что касается подхода к радикальному исламизму. Поскольку их подробное изложение вышло бы за рамки данного исследования, ограничимся существом вопроса: в качестве главного вывода можно констатировать, что радикализация политического ислама не является абстрактным процессом, и что ей предшествует радикализация конкретных, связанных с исламом людей и частей элит. Хотя причины такой радикализации могут быть разнообразными, в рассмотренных нами обстоятельствах наибольшую

опасность могут представлять идейно-мировоззренческие, властные и религиозные⁴¹ провокации со стороны светской элиты. Особенно взрывоопасным оказывается взаимодействие мировоззренческих и властных сфер, так как исключение исламских элит из участия в политической, административной и экономической жизни неминуемо уводит их в направлении поиска альтернативной политической системы, которая позволила бы им реализовать свои интересы. Так как вопрос о качестве подобной системы связан с вопросом о ее ориентации на определенный политический порядок, то на повестку дня неизбежно встает мировоззренческая дилемма – «светское или исламское государство?».

В Таджикистане обнаружилось, что при определенных условиях, которые могут и должны быть предметом дальнейшего изучения, разногласия между светскими и исламскими частями элит в мировоззренческой сфере по вопросу «светское или не-светское государство?»⁴² можно преодолеть. Для этого потребовалась модель политического компромисса, при котором влиятельная часть исламской элиты решила смириться со светским характером государства, потому что правящая группа светской элиты согласилась на своеобразное «разделение власти» в форме признания

⁴¹ Как религиозная провокация рассматривается, например, по-прежнему практикуемое государством вмешательство во «внутренние дела» мусульман, в том числе действия государственных инстанций контроля над мусульманскими общинами.

⁴² В Таджикистане этот вопрос возник в форме требования вычеркнуть понятие «светское государство» из действующей конституции. Компромисс состоял в отказе исламистов от этого требования в обмен на признание права деятельности «религиозных партий» в законе о партиях.

доли власти другой группы элиты, а также легализации религиозных партий. Тем самым в обоих главных вопросах, связанных с предотвращением внутренних общественных конфликтов, удалось найти компромисс: речь идет о трансформации насильственной формы конфликта в мирную и «сосуществовании культур» внутри общего государства. Передача конкретной ответственности в разных сферах государственной деятельности в руки приверженцев бывшей ОТО, нестыковка их мировоззренческих представлений с реальными общественными отношениями⁴³ и настроениями населения привели к разрядке напряженности (возможно, временной) в идейно-мировоззренческой области.

Предотвращение радикализации ислама в сфере мировоззрения, когда ислам сам становится причиной и источником конфликтов, крайне важно не только с тактической, но и со стратегической точки зрения. Во-первых, эта сфера прямо связана с религиозной принадлежностью большинства населения, что делает ее эффективным средством мобилизации широких масс. Во-вторых, в долгосрочном плане ислам как религия обладает большим потенциалом влияния в национальном масштабе, чем только частично укоренившаяся, региональная по своему характеру правящая светская часть элиты. В-третьих, конфликты в мировоззренческой сфере оказали бы негативное обратное воздействие на региональное окружение, и могли бы быть использованы зарубежными воинствующими исламистскими

⁴³ К примеру, не удалось добиться признания законов шариата в контролируемых исламистами районах, потому что население, особенно женщины, предпочли вернуться к старым таджикским обычаям.

группировками как повод к «исламской солидарности» и интервенции.

Подход «от обратного» позволяет понять, чего не следует делать для того, чтобы избежать радикализации фактора ислама: недопустимы никакие провокации в отношении приверженной к исламу части элиты; в отношении религиозных чувств мусульманского населения; нельзя допускать одновременного провоцирования светских и исламских элит путем «экспорта» чуждых моделей в виде недифференцированного «навязывания» западных ценностей и норм. Такой «экспорт» может привести к объединению, пусть даже чисто тактическому, исламистов и секуляристов в борьбе против «чужих предписаний» на основе иррациональной и опасной националистической смеси.

Значение проходящего в настоящее время в Таджикистане «эксперимента» по выработке светско-исламистско-го компромисса и формированию умеренного исламистского течения выходит за пределы этой маленькой страны. Если таджикские секуляристы и исламисты убедятся, что в конечном итоге компромисс между ними невозможен и что он не способен вынести существующие политические перегрузки, тогда за этим последует только призыв «Назад к оружию!». Если же им удастся доказать, что компромисс возможен и способен приносить результаты, это окажет огромную помощь процессу стабилизации не только в Таджикистане. Совместные действия исламистов и секуляристов в деле мирного формирования совместной национальной государственности имели бы важное значение даже при противоречивом протекании этого процесса. Они послужили бы реальным примером того, что сотрудничество и сосуществование культур в зоне

соприкосновения и пересечения цивилизаций, каковой является евроазиатский регион ОБСЕ, вполне осуществимо как внутри государств, так и между ними.

В то же время нельзя считать результаты таджикского эксперимента уже окончательно гарантированным. Основная угроза для него связана с тем, что после переходного периода было фактически восстановлена ситуация господства одной региональной элиты над другими, которая в 1991/92 гг. спровоцировала стремление к новому порядку и привела в конечном счете к гражданской войне. Такое положение может привести к новой радикализации еще существующей группировки полевых командиров с воинственным пониманием «джихада», которые считают, что их интересы были недостаточно учтены в мирном соглашении, достигнутом при посредничестве ООН, и что они были «преданы» умеренным крылом ПИВТ.

Консолидация как движения умеренных исламистов, так и самого процесса поиска компромиссов все еще подвержены риску. Если светская сторона вместо того, чтобы стимулировать готовность исламистов к самореформированию продуманным, стратегически спланированным курсом компромисса, попытается присвоить себе все плоды мирного соглашения и будет вести себя как «победитель», который больше не нуждается ни в каких компромиссах, то крылу умеренных исламистов может угрожать утрата влияния и дезинтеграция. Если мирный путь к сотрудничеству и сосуществованию культур будет снова предан забвению, то, как опасаются представители умеренного исламизма, таджикский эксперимент станет жертвой воинственных происков радикалов.

5. Выводы и рекомендации

1. Фактор ислама есть и останется на долгое время эффективно действующей и потому стратегической величиной.

2. Взаимоотношение секуляризма и ислама является в центрально-азиатских государствах ОБСЕ частью процесса трансформации и формирования государственности и, тем самым, оформления политических систем. Столкновение политики и религии преимущественно происходит в рамках отношений между светскими правителями и носителями политического ислама. Они расходятся между собой относительно пути общественно-политического развития своих еще не сформировавшихся национальных государств. Это расхождение может стать отправной точкой как для дальнейшей демократизации, так и для возникновения насильственных конфликтов. Чтобы способствовать развитию демократии, всем сторонам следует исходить из принципа равноправия ислама, как религии подавляющей части населения, и его институциональных носителей, включая ориентирующиеся на ислам партии.

3. Стратегический характер фактора ислама проявляется и в контексте проблемы обеспечения безопасности и стабильности в данном регионе, который, не в последнюю очередь из-за своего большого энергетического и геополитического значения, оказывается все более тесно связан с процессами развития европейского сообщества.

4. Это вызывает необходимость подключить исламский фактор и связанный с ним общественный и политический потенциал, включая ориентированные на ислам элиты, к политике стабилизации ОБСЕ, не в последнюю очередь - для противодействия расширению экстремистских и деструктивных исламистских течений.

5. Образование умеренного реформистского исламского течения в Таджикистане создает предпосылки для решения этой задачи, что подразумевает формирование терпимости по отношению к светскому государству, а также осознание того, что разумнее стремиться к повороту государства и политической системы в направлении ислама через использование инструментов демократического и правового государства, а не терроризма. Это включает в себя и признание того факта, что методы движения Талибан или Бен Ладена не подходят для Центральной Азии.

Исходя из всего вышесказанного, ОБСЕ следовало бы отказаться от сложившегося стереотипа восприятия политического ислама и сделать стратегические выводы, направленные на то, чтобы вывести исламский фактор из его сегодняшней отрицательной фиксации в качестве «источника проблем и носителя конфликтов» (стигма терроризма). Это диктует необходимость соответствующего подхода к мусульманским руководителям и политикам, а также привлечения их к сотрудничеству в рамках совместных усилий по стабилизации и обеспечению безопасности в регионе ОБСЕ. При этом следует иметь в виду, что ОБСЕ, ООН и международное сообщество де-факто уже санкционировали международное признание политического ислама и его представителей в Центральной Азии в ходе Межтаджикских переговоров и Московских соглашений 1997 г.

Новая стратегия требует основательной концептуальной и политической подготовки. Действия должны носить дифференцированный характер, учитывая как различия в условиях отдельных стран и регионов, так и особенности процессов формирования облика политического ислама и его носителей. К первоочередным шагам следовало бы отнести Меры доверия по отношению к исламистам. В рамках «Диалога о сотрудничестве и сосуществовании культур и цивилизаций в пространстве ОБСЕ», с использованием инструментария ОБСЕ, а также двусторонних контактов, было бы полезно наметить возможные шаги и меры для того, чтобы ознакомить исламских политиков с диапазоном совместных задач стабилизации и привлечь их к работе по их решению.